



СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

Виктор Климанов

# СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

ПОДВИГ  
17-Й  
СТРЕЛКОВОЙ  
ДИВИЗИИ  
НАРОДНОГО  
ОПОЛЧЕНИЯ



Виктор Климанов

# СОБОЙ ЗАСЛОНИЛИ МОСКВУ

Документальная повесть



**Подвиг  
17-й стрелковой дивизии  
народного ополчения**



**Народное ополчение  
на защите Москвы**

Москва  
Префектура Центрального  
административного округа  
2005

Глава 1

**Подвиг, трагедия, забвение  
5**

Глава 2

**Предыстория. Как мы вступили в войну  
48**

Глава 3

**Дивизия, армия, фронт, Москва  
перед началом «Тайфуна»  
96**

Глава 4

**2 октября – наступление врага началось  
166**

Глава 5

**3 октября – 17-я вступает в бой  
192**

Глава 6

**4 октября – подвиг 17-й стрелковой  
220**

Глава 7

**Окончание сражения, отступление  
250**

Глава 8

**Вечная слава героям ополченцам  
284**

**Документальный и литературный материал  
310**

Здравствуй Уважаемый читатель!  
Всегда приятно встречаться с читателем.

12 лет назад был закончен оригинал моей повести.  
Прошедшие годы показали, что тема преодоления и  
святого подвига во имя защиты нашего Отечества  
остаётся актуальной и востребованной.

В последние годы мне часто приходилось слышать  
вопрос - Где можно приобрести вашу книгу?  
Надеюсь эта публикация в какой то степени решит  
эту проблему.

В добрый путь  
Дорогой друг - читатель,

Виктор Климанов

# Глава 2

## Предыстория Как мы вступили в войну





## Глава 2

# ПРЕДЫСТОРИЯ. КАК МЫ ВСТУПИЛИ В ВОЙНУ

**Д**ля того чтобы понять обстоятельства, движущие на подвиг героев нашей повести, нам необходимо войти в страну победившего социализма, в Советский Союз 30-х – начала 40-х годов; сейчас так много всякого пишется о том времени.

Режиссер Татьяна Лиозова так рассказывала о своей работе над популярным сериалом о подвиге советского разведчика в самом логове фашизма, над фильмом «Семнадцать мгновений весны»:

*Все было на едином дыхании. И каждый день за моей спиной как бы стоял святой и наивный советский солдат.*

Давайте примем эту формулу определения поколения советских людей предвоенного и военного времени. И условимся, что к заблуждениям, связанным с их наивностью, мы будем относиться совершенно нейтрально.

Перед войной советский народ, в большинстве своем, поддерживал своеобразную форму общественного устройства Советского Союза, которую можно назвать «советское партийное государство во главе с великим и мудрым вождем».

Народу импонировали провозглашение социалистических идеалов о всеобщем равенстве и справедливости, социалистический принцип распределения «от каждого – по способностям, каждому – по труду». Большинство с энтузиазмом воспринимало факты превращения нашей страны из отсталой аграрной в передовую индустриальную державу. Все гордились тем, что наша страна выступает за мир, за укрепление дружбы с трудящимися всех стран.

Исторический скачок от феодализма к социализму, подвиги челюскинцев, освоение северного полюса, беспосадочные перелеты в Америку, мировые рекорды славных летчиков и летчиц имели большой международный резонанс и наполняли души советских людей гордостью.

После десятилетия небывалых катаклизмов – великих строек социализма, индустриализации, коллективизации, раскулачивания, разжигания ненависти и вражды в народе и в государстве, борьбы с партийными уклонами, врагами народа, вредителями, «шпионами проклятого империализма», после всех этих тяжелых, трудных и радостных побед – два предвоенных года были относительно спокойными и у простых советских людей появилась надежда, что, наконец-то, теперь жизнь с каждым годом начнет становиться все лучше и лучше.

Но благодушный и доверчивый советский народ не замечал, что работает страна все больше и напряженнее и что уже все определяет надвигающаяся война – «великая наша держава» постепенно превращается в военно-трудовой лагерь. Демократические достижения, провозглашенные в «сталинской» конституции 1937 года, остались где-то позади – мы уже работаем по восемь часов, в шестидневную рабочую неделю. Опоздание на работу на 20 минут грозит нам тюремным разбирательством. Предприятия сферы средств производства целиком переключились на обслуживание военных заказов. Заводы, которые совсем недавно выпускали мирную продукцию: комбайны, сеялки, бытовую технику, теперь производят боевые самолеты, пушки, военные приборы.

Но никто этого не осознавал, облако сладкого дурмана заслонило здравомыслие и реальность в оценке фактов и явлений. Наверно, это историческая особенность нашей российской общности, но это было именно так – надвигающаяся на советских людей неизбежная война была совсем не страшной и, конечно, победоносной.

В каждой советской квартире перед войной бесплатно был установлен радиорепродуктор в виде черной тарелки, а на каждой улице,



чаще всего на фонарном столбе, – громкоговоритель – серебристый колокольчик; и из этих радиоусилителей постоянно звучал бодрый напев – «Красная Армия всех сильнее!».

Но точно никто не знал – в чем же сила Красной Армии. Никто точно не знал, что перед войной Красная Армия действительно была самой крупной в мире. В 1935 году численность ее составляла 930 тыс. человек, в 1938 году – 1513 тыс.

1 сентября 1939 года, в день вероломного нападения Германии на Польшу, или, как позже установили, в день начала Второй мировой войны, в СССР была введена всеобщая воинская обязанность, призывной возраст был снижен с 21 до 18 лет, поэтому к середине 1941 года численность наших войск составляла уже 5,5 млн человек, это не считая различных многочисленных войск НКВД. После объявления мобилизации 22 июня 1941 года, в связи с началом войны, численность Красной Армии удвоилась.

Конечно, высокопоставленные управленцы в армии знали эти цифры, но говорить об этом можно было только в кабинете вождя, за его порогом надо быть бдительным, потому что это составляло государственную тайну.

Но на бытовом уровне вся страна уже жила подготовкой к войне. В каждой семье родственник или знакомый сосед был военным. Самой модной одеждой была военная форма. Самый распространенный заказ в обувной мастерской – начистить до блеска хромовые сапоги. После XVIII съезда партии, в марте 1939 года, как-то незаметно все партийные работники райкомов, обкомов, руководители крупных предприятий закрепились генеральскими сапогами и оделись в полувоенную форму. А все эти летные школы, танковые и артиллерийские училища, курсы Осоавиахима и для ребят, и для девчат...

Можно было не сомневаться – «Красная Армия всех сильнее!».

Но никто точно не знал, что Красная Армия перед войной имела больше всех танков и самолетов, орудий и минометов, на вооружении ее имелись образцы самой совершенной в то время военной техники.

Вот свидетельство Дмитрия Федоровича Устинова, за две недели до начала войны назначенного наркомом оборонной промышленности:

*В воскресенье 15 июня 1941 года на одном из подмосковных полигонов проводился смотр новых образцов вооружений Красной Армии.*

*На смотре присутствовали руководители партии и правительства, оборонной промышленности, высшее военное командование.*

*На смотр были представлены средний танк Т-34 и тяжелый танк КВ-1. Оба этих танка значительно превосходили по основным характеристикам танки вероятных противников.*

*В 1940 году и в первой половине 1941 года наша танковая промышленность выпустила 639 танков КВ и 1225 танков Т-34.*

*Нам было известно, какое значение в своих агрессивных расчетах империализм придает авиации. С учетом этого партией были предприняты энергичные шаги по усилению нашей авиационной промышленности. Число предприятий в этой отрасли к концу 1940 года по сравнению с 1937 годом увеличилось на три четверти. На вооружении Красной Армии находились истребители Як-1, МиГ-3, ЛаГТ-3, пикирующий бомбардировщик Пе-2, бронированный штурмовик Ил-2. Все эти самолеты обладали высокими по тому времени летно-техническими данными, а некоторые из них были лучшими в мире. Промышленность вооружения поставила для оснащения советских боевых самолетов 7,62-мм и 12,7-мм авиационные пулеметы, 20-мм и 23-мм авиационные пушки, имеющие высокую скорострельность.*

*Впервые, на том же смотре 15 июня, мне довелось увидеть в действии боевую реактивную установку БМ-13, названную в последующем «катюшей» и завоевавшую под этим именем легендарную славу. Установка обладала высокой огневой производительностью, могла вести залповый огонь, совершать быстрый маневр. Из каждой установки на смотре был произведен один залп 16 реактивными снарядами 132-мм калибра. Огонь велся по легким полевым укрытиям, удаленным примерно на 6 километров. После стрельбы мы осмотрели цели. Результаты произвели на присутствующих огромное впечатление.*

Казалось бы, все прекрасно и соответствует и лозунгу, и припеву... Но на самом деле все было гораздо сложнее, и этого тоже никто не знал.

Качество подготовки вооруженных сил к войне складывается из трех основных компонентов:

- 1) объема подготовленных материальных ресурсов;
- 2) уровня подготовки личного состава;
- 3) эффективности управления войсками (отбор и расстановка кадров, владение приемами тактики ведения боя и способностью над-



лежащего оперативно-тактического планирования и осуществления войсковых операций).

Так вот, никто в Советском Союзе не знал о том, что по качеству второго условия – уровня подготовки и особенно третьего показателя – эффективности управления войсками Красная Армия имеет провальное состояние в войсках и в штабах высшего командования. Никто из руководителей партии, правительства, Вооруженных сил СССР перед войной в полной мере не осознавал это. Но зато об этом хорошо знало Верховное командование сухопутных войск Германии, которое готовилось к войне с Советским Союзом и строило свои планы исходя из возможности использовать этот фактор. С первых дней войны в отчетах командующих германскими армиями и фронтами звучит этот повседневный для них рабочий афоризм – «использование примитивных форм управления войсками у противника» (Г. Гот).

В отличие от нас, Германскую армию тогда отличали высокая дисциплина, прекрасная боевая выучка, первоклассная военная техника, опыт ведения современной войны, умение офицеров и генералов управлять войсками в сложных условиях, хорошее взаимодействие частей и соединений различных родов войск. И, несмотря на то что агрессор в момент нападения имел танков, самолетов, орудий и минометов в полтора два раза меньше, чем было на вооружении в Красной Армии, этого оказалось вполне достаточным, чтобы посредством внезапного массированного их применения достичь на первом же этапе войны полного стратегического превосходства. И именно это явилось самым «вероломным и внезапным» обстоятельством для руководства Советского Союза.

Чтобы объяснить причинность таких контрастов в представлениях и того, что было на самом деле, нам придется соприкоснуться с темой «Сталин и война», потому что в СССР «всё» знал только один человек – «гениальный вождь, мудрый учитель всех народов, великий Сталин».

Константин Симонов, работая над своей последней повестью, книгой-исповедью «Глазами человека моего поколения», невольно вывел эту тему в отдельную книгу-размышление.

В исторической галерее выдающихся личностей – диктаторов, монархов, полководцев, Иосиф Виссарионович Сталин является, без сомнения, самой противоречивой фигурой. Ценнейшие качества органи-

затора и руководителя промышленного и государственного взлета Советского Союза в 30-х годах сочетались в нем с чудовищной и жестокой формой установления личной диктатуры. При этом он умел добиваться того, чтобы все его злоешие деяния были скрытны и опирались на поддержку абсолютного большинства советского общества.

Обратимся снова к свидетельству одного из самых талантливых, активных и примерных создателей «сталинского социализма» Дмитрию Федоровичу Устинову:

*После XVIII съезда партии мне довелось не раз видеть и слышать Сталина, а впоследствии и работать под его непосредственным руководством в течение десяти лет, в том числе всю Великую Отечественную войну. Сталин пользовался большим авторитетом у советских людей. Они знали его как активного борца за победу социализма, доверяли ему.*

*В предвоенные годы партии и народу не было известно о фактах грубого нарушения Сталиным социалистической законности. Существовало убеждение, что проводившиеся в то время репрессии применяются против действительных врагов народа, в интересах социализма.*

*В сталинских работах тех лет содержались правильные, марксистско-ленинские положения о народе как творце истории, о роли партии и ее Центрального Комитета как коллективного руководителя, о внимании к кадрам и их значении в строительстве нового общества, о партийной и советской демократии. Но на практике эти положения порой нарушались. Между словом и делом в деятельности Сталина появился разрыв. Некоторые ограничения демократии, неизбежные ввиду ожесточенной борьбы с классовым врагом и его агентурой, он возвел в норму руководства партией и страной.*

*Во время войны отрицательные черты характера И. В. Сталина были ослаблены, а сильные стороны его личности проявились наиболее полно. Сталин обладал уникальной работоспособностью, огромной силой воли, большим организаторским талантом. Он умел наладить безупречно четкую, согласованную, слаженную работу всех звеньев управления, добивался безусловного исполнения принятых решений.*

*Обладая богатейшей, чрезвычайно цепкой и емкой памятью, И. В. Сталин в деталях помнил все, что было связано с обсуждением, и никаких отступлений от существа выработанных решений или оценок не допускал. Он поименно знал практически всех руководителей экономики и Вооруженных сил, вплоть до директоров заводов и командиров*



дивизий, помнил наиболее существенные данные, характеризующие как их лично, так и положение дел на доверенных им участках. У него был аналитический ум, способный выкристаллизовать из огромной массы данных, сведений, фактов самое главное, существенное.

Свои мысли и решения Сталин формулировал ясно, четко, лаконично, с неумолимой логикой. Лишних слов не любил и не говорил их. При всей своей властности, суровости, я бы сказал, жесткости он живо откликался на проявление разумной инициативы, самостоятельности, ценил независимость суждений.

Многие нарушения явились следствием негативных черт характера И. В. Сталина, на которые в свое время указывал В. И. Ленин.

Остановимся на одном из постулатов мышления людей того времени, безоговорочно веривших «вождю всех народов».

*Правильные, марксистско-ленинские положения о роли партии и ее Центрального Комитета как коллективного руководителя.*

Центральный Комитет партии – коллективный руководитель. Где это записано как правовое законодательное положение? Нигде.

В сталинской Конституции СССР – нет такого понятия. В уставе ВКП(б) Центральный Комитет – руководящий орган партийной организации, но не государства.

Значит, это понятие, по которому тогда жил весь советский народ, не является юридически обоснованным. Значит, мы тогда жили в пространстве юридического нигилизма.

На бытовом уровне можно услышать: «Да, какое это имеет значение, пусть называют как хотят, лишь бы жилось нормально». (Но жилось-то нам тогда – ниже среднего).

Так вот, Иосиф Виссарионович придавал очень большое значение этому понятию «ЦК как коллективный руководитель». В своих программных публичных выступлениях, как и в простых письмах и телеграммах, он никогда не говорил лично от своего имени – только от имени ЦК. По выражению Константина Симонова, «Сталин обеспечил себе такое положение в партии и в государстве, что ему не приходилось отстаивать свою правоту ни перед кем, он заведомо был прав, раз он принимал решение». Значит, для него «от имени ЦК» была форма, которая соответствовала понятию, что все вершится и решается на демократической основе.

И если кто-то будет не только осуждать, но попытается составить юридически обоснованное обвинение против Сталина на основе, скажем, решений XX съезда, Выводов Комиссии партийного контроля, «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына, то Иосиф Виссарионович парирует – к ответу надо привлекать ЦК, без его ведома он ничего не решал.

Но мы отвлеклись от темы «Сталин и война», или «Сталин и Красная Армия».

В своих воспоминаниях о Сталине Дмитрий Федорович Устинов, упоминая о «нарушениях социалистической законности» и «репрессиях против врагов народа в интересах социализма», ничего не сказал о страшных, жутких репрессиях 1937–1938 годов интеллектуального руководства Красной Армии, о которых он по долгу своей службы знал, о какой-то степени в довоенное время и в полной мере после XX съезда партии.

Противоречия гениального вождя отразились на его взаимоотношениях с горячо любимой им Красной Армией самым невероятным образом. Сталин в одно и то же время созидал, в строительстве и материально-техническом оснащении армии, и разрушал ее организацию и военное руководство, что привело к резкому падению боеспособности нашей Армии именно тогда, когда всерьез надвигалась угроза войны.

С мая 1937 по сентябрь 1938 года из армии были уволены 36761 офицер, 3 тысячи офицеров было уволено с флота. На заседании Военного совета 29 ноября 1938 года нарком обороны К. Е. Ворошилов сообщил об успехах по «выкорчевыванию» врагов народа:

*Чистка была проведена радикальная и всесторонняя. Чистили мы, как и подобает большевикам, все, что подлежало очищению, начиная с самых верхов и кончая низами...*

Репрессии вызвали огромную текучесть командных кадров. Ежегодно получали новые назначения десятки тысяч офицеров. Кадровая чехарда отрицательно сказывалась на уровне дисциплины и боевой выучке войск. Все это происходило в период стремительного роста численности армии, создания новых частей и соединений, увеличения числа командных должностей. Образовался огромный некомплект командиров, который год от года возрастал.

В 1941 году только в сухопутных войсках не хватало по штабам 66900 командиров. Особенно сильно пострадал высший командный



состав: в 1938–1940 годах сменились все командующие войсками военных округов, на 90 % были обновлены их заместители, помощники, начальники штабов, начальники родов войск и служб.

И дело не только в невинной гибели десятков тысяч ценнейших командиров и специалистов, у военных начальников всех степеней и рангов, переживших террор, оказалась парализована способность принимать самостоятельные, нешаблонные решения и отстаивать их перед вышестоящими инстанциями.

*Создалась, свидетельствует Константин Симонов, «гибельная атмосфера, когда десятки компетентных и здравомыслящих командиров не имели возможности проявить свои качества для исправления ситуации, заикнуться о силе противника или о нашей недостаточной готовности значило совершить политическое самоубийство, противопоставление своего взгляда беспепелляционному мнению Сталина, которое тот ставил выше реальности, означало не отставку, а гибель с помертвлым клеймом врага народа».*

Волна репрессий командного состава Красной Армии в 1937–1938 годах самым пагубным образом повлияла на наши неудачи в оборонительных сражениях первого года Великой Отечественной войны. А ставленники «вождя народов» в руководстве Красной Армии на месте репрессированных полководцев не смогли достойно проявить себя на поле боя. Это командующие северо-западным и юго-западным направлениями маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный и командующие главными фронтами: генерал армии Д. Г. Павлов и генерал-полковники Ф. И. Кузнецов и М. П. Кирпонос.

На страницах последующих глав повести читатель увидит, что неудачи первого года войны были обусловлены еще многими грубейшими самонадеянными ошибками Верховного Главнокомандующего, но предвоенная дезорганизация руководства Красной Армии нанесла самый тяжелый вред Отечеству и навсегда останется черным пятном в нашей истории.

О негативном влиянии этих событий в международном аспекте на судьбы нашей страны определенно высказался маршал Василевский в одной из последних бесед с Константином Симоновым, в апреле 1976 года. Александр Михайлович был уже давно и тяжело болен. Беседа проходила в больнице.

*Вы говорите, что без тридцать седьмого года не было бы пораженный сорок первого, а я скажу больше. Без тридцать седьмого года, возможно, и не было бы вообще войны в сорок первом. В том, что Гитлер тогда решился начать войну против нас, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошёл.*

Но советский народ все стерпел, некоторая часть его даже поддержала «гениального кормчего», вот такой у нас «великий русский народ».

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ НАРОД – так называлась статья В. П. Чкалова в газете «Правда» 12 декабря 1937 года, в день, когда советский народ впервые выбирал высший орган государственной власти, Верховный совет СССР. Былинный богатырь XX века, Валерий Павлович Чкалов был не только блистательным асом, но и пламенным журналистом, написавшим много патриотических статей, прославляющих социалистический строй Советского Союза.

Вот некоторые афоризмы этого сочинения:

*«Велик и могуч русский народ – отважный и трудолюбивый, героический и талантливый, неустомимый и храбрый...»*

*«Впитавший с детства “разумное, доброе, вечное”».*

*«Сколько изумительных по красоте народных песен и сказок».*

*«Русский народ завоевал свое счастье, достиг невиданного в истории расцвета».*

*«Сыны и дочери богатырского народа показывают миру и человечеству, на что способны люди, когда они свободны, когда они живут равными среди равных».*

Конечно, это только одна сторона медали, другую, теневую сторону качеств советского сообщества и индивидов в то время старались не замечать. Но реальность – была реальность. Эти теневые стороны советского характера были порождением стадного образа жизни первого в мире социалистического государства, похожего на необузданный табун, мчащийся в неизвестное «светлое будущее». И, как следствие этого безумного движения, выпирание низкого интеллекта: слепой восторг, чрезмерное самомнение, бездумная доверчивость и над всем этим, клоками темного дыма злость, ненависть и подозрительность.

И все-таки предвоенному поколению советских людей было что защищать. Рассматривая примеры, давайте проводить параллели с на-



шим временем, хотя бы для того, чтобы убедиться, что мы не имеем морального права осуждать то поколение, но воспользоваться достоинствами того времени, использовать их для построения новой России – это нам необходимо.

Начнем с общих впечатлений от того и от нашего времени.

В 1936 году в страну Советов приезжал классик мировой литературы французский писатель Ромен Ролан. Его пронизательный взгляд видел чудовищные недостатки и ограничение свобод в СССР, и все-таки на первый план своих репортажей он выносил вот такие сообщения:

*Это могучий поток молодой, бьющей через край жизненной силы, ликующей от сознания своей энергии, от гордости за свои успехи, от уверенности в своей правде...*

А вот взгляд на наше теперешнее состояние талантливой журналистки Юлии Калининой в одном из недельных обзоров «Московского Комсомольца»:

*Абсолютно ничего не происходило такого, что можно было бы приписать за легкое дуновение ветерка, намекающее на возможные перемены. Философия вечного прозябания, раз и навсегда покорившая россиян, царилла на бескрайних просторах...*

Согласитесь, контраст разительный, хотя, следует признать, что второй комментарий безнадежно мрачен.

Обратимся к классике. Вот строки из 66-го сонета Вильяма Шекспира в переводе Бориса Пастернака:

*Измучась всем, я умереть хочу.  
Тоска смотреть, как мается бедняк,  
И как шутя живетса богачу;  
И наблюдать, как наглость лезет в свет,  
И честь девичья катится ко дну;  
И знать, что ходу совершенству нет,  
И вспоминать, что мысли заткнут рот,  
Над простотой глумится ложь,  
А прямота – уж глупостью слывет.  
Измучась всем, не стал бы жить и дня,  
Да другу трудно будет без меня.*

По-моему, этот аналог более точен в определении нашего времени, а самое главное, он дает надежду на отстаивание истинности бытия, равняясь на благородных «друзей народа», возвышающихся над рутиной обстоятельств и олицетворяющих совесть, трудолюбие и бескорыстие. Из последнего двадцатилетия можно назвать несколько имен из этого множества – Андрей Дмитриевич Сахаров, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Булат Окуджава, Юрий Никулин, из ныне живущих, например, Андрей Дементьев.

Конечно, не следует абсолютизировать содержание сонета Шекспира в отношении нашего времени, достаточно сказать, что перевод его сделан Пастернаком в 1939 году...

И все же предвоенному поколению, особенно молодым людям, рожденным в 20–24-е годы «под перекрещенными серпом и молотом на фоне лучей восходящего солнца в обрамлении золотых колосьев», всем простым советским гражданам было ясно – что защищать.

Остановимся только на одном аспекте – на нравственном и физическом совершенстве предвоенного поколения.

Иллюстрацию нравственного идеала молодых людей того времени опять же возьмем из поэтического произведения.

*Среднего роста, плечистый и крепкий,  
Ходит он в белой футболке и кепке,  
Знак ГТО на груди у него,  
Больше не знают о нем ничего.*

Самуил Маршак. Рассказ о неизвестном герое

Молодой человек, спасая потерпевшую при пожаре девочку, совершает благородный, бесстрашный, бескорыстный подвиг, прекрасный во всех отношениях. Согласитесь, нашей молодежи начала XXI века, живущей по принципу – деньги, машина, квартира, дача, по канонам всемирной этики следует опустить глаза и признать превосходство наших предшественников.

И в чисто физиологическом отношении, в 1939–1941 годах в России, в тогдашнем Советском Союзе жила самая здоровая общность людей. Мы и войну-то выдержали благодаря высокому уровню общего физического здоровья нации, и все, что касалось физиологического совершенства, у нас тогда было на высоте: и образ жизни, и помыслы, и продукты питания, чистейшие – без концентратов и биодобавок;



животноводческое стадо у нас было самое большое и здоровое в мире; и песни – нам строить и жить помогали, и зарядку они, молодцы, каждое утро делали, и закалялись, «как сталь». Согласитесь, для теперешней России эти показатели – несбыточное мечтание.

И в арифметическом плане ежегодный прирост населения: тогда – плюс 5 млн, теперь – минус 0,5.

Жили, правда, трудно. Но ежедневное преодоление трудностей укрепляло силы и прибавляло оптимизма. И утренние гудки над промышленной Москвой не раздражали, а звали на новые свершения.

В то теплое, солнечное воскресное утро гудки над Москвою молчали. По привычке, рано просыпающиеся москвичи еще не знали, что на западных границах Союза загудела большая общая беда – началась война.

22 июня, сразу после объявления войны, невиданный героический порыв охватил москвичей и всех советских людей. Вся страна вдруг забыла, что «Красная Армия всех сильнее», все захотели быть солдатами, грудью встать на защиту Родины и разбить ненавистных захватчиков.

За три дня в приемные комиссии военкоматов и партийные органы Москвы поступило 310 тысяч заявлений москвичей с просьбой зачислить их в ряды добровольцев. Многие представляли себе это мероприятие как прогулку вместо отпуска – «за две-три недели вместе с Красной Армией мы разберемся с этой фашистской гадиной».

Правда, через несколько дней все немного поостыли, поняли, что без «отмашки вождя» такие дела не начинаются, а вести с фронта заставили всех стать посерьезней – немец уже под Минском. Патриотический порыв – грудью встать на защиту Родины – чуть поутих, многие переключились на истребительные батальоны – первые добровольческие формирования для борьбы с диверсантами и парашютистами в городе.

Инициатором создания в стране добровольного народного ополчения явилась партийная организация Ленинграда. 27 июня 1941 года городской комитет партии обратился к Главному Командованию Красной Армии с просьбой разрешить сформировать из трудящихся города семь добровольческих дивизий. Разрешение было получено, и 30 июня при массовой поддержке населения дивизии были сформированы; а уже во второй половине июля три дивизии вели бои на Лужской оборонительной полосе. Настала очередь Москвы.

В ночь на 2 июля в Кремле проходило совещание московского актива, созванное ЦК ВКП(б). На нем В. М. Молотов сообщил, что ЦК партии и ГКО поддерживают почин москвичей о создании дивизий народного ополчения. После совещания в Кремле тотчас же состоялось совещание в МГК партии под председательством А. С. Щербакова с участием секретарей столичных райкомов партии, председателей райисполкомов, райвоенкоматов, представителей штаба Московского военного округа (МВО) и горвоенкомата. Вслед за ним Военный совет Московского военного округа принимает постановление о добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в народное ополчение, установив организационные формы его создания.

Утром того же дня в райкомах проходят встречи с секретарями низовых парторганизаций, а днем – с руководящими хозяйственными и военными работниками. Решались практические вопросы организации добровольческих формирований, и все подводилось к главному и решающему событию – выступлению по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина.

Так столица приступила к созданию народного ополчения.

Утро 3 июля началось с трансляции выступления вождя. Иосиф Виссарионович, осознав величину катастрофы, которая надвигалась на страну, обратился по радио к «братьям и сестрам» с руководящими разъяснениями: о тяжелых последствиях вероломного нападения фашистской Германии на нашу миролюбивую страну, о временных неудачах нашей героической Красной Армии. Повинился немного вождь за то, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с фашистским правительством (*но ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения*). А затем – что мы должны: мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, мы должны организовать... мы должны укрепить... мы должны создать... И в конце выступления – уже высокопатриотический призыв:

*Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на борьбу с наступающим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать*



*такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защитить свою свободу, свою честь, свою родину – в нашей отечественной войне с германским фашизмом.*

*Все силы – на поддержку нашей героической Красной Армии! Все силы народа – на разгром врага! Вперед за нашу победу!*

И начались митинги, в некоторых отчетах – «с первых же минут после выступления Сталина по радио», по всей стране покати́лась волна митингов.

В Москве митинги проходили везде: на фабриках и заводах, в учреждениях и больницах, в институтах и школах, хотя уже были летние каникулы (разве только в детских садах не собирались). И выступления: горячие, с поддержкой, с призывами, с угрозами врагу, с обещаниями...

Тут-то и началась массовая запись в московские дивизии народного ополчения. Каждый район формировал свою дивизию. За три дня записалось более 200 тысяч добровольцев. Здорово поразмыслив, посоветовавшись с военными, московское руководство вползину сократило число претендентов, во-первых, потому, что невозможно было одеть, обусть и вооружить такую команду – с оружием в стране уже было напряженно, а во-вторых, потому, что московские предприятия и учреждения могли значительно снизить свою производительность, удовлетвори они все заявки. Так, на заводе «Красный пролетарий» сразу же после митинга в ополчение записалось 1000 человек. В одном из цехов из 123 работавших в утренней смене записалось 73. В тресте Госздравпроект записались добровольцами все присутствующие на митинге мужчины.

Запись в основном проводилась по предприятиям и учреждениям производственными тройками – секретарь парторганизации и представители райкома и райвоенкомата, затем эти списки утверждались чрезвычайной тройкой райкома – первый секретарь, райвоенком и начальник райотдела НКВД. Утвержденные списки спускались в штабы формируемых дивизий.

С 5 июля по улицам столицы на сборные пункты потянулись веницы добровольцев, шли рабочие, инженеры, студенты, преподаватели, ученые, служащие, журналисты, писатели, артисты, художники... В дивизии народного ополчения принимали добровольцев, не подлежащих призыву, был установлен возрастной ценз – от 17 до 55 лет. Основную массу ополченцев (до 65 %) составляли рабочие. В Кировском

районе, например, из 10 500 ополченцев 9 тысяч были рабочие, а в Краснопресненской дивизии большую часть составляла интеллигенция.

Всего в Москве за четыре дня было создано 12 дивизий народного ополчения численностью около 120 тысяч человек. Все они получили наименование по районам, где формировались: 1-я дивизия Ленинского района, 2-я – Сталинского, 4-я – Куйбышевского, 5-я – Фрунзенского, 6-я – Дзержинского, 7-я – Бауманского, 8-я – Краснопресненского, 9-я – Кировского, 13-я – Ростокинского, 17-я – Москворецкого, 18-я – Ленинградского, 21-я – Киевского района.

На территории Замоскворечья, кроме 17-й Москворецкой дивизии, формировались 9-я дивизия Кировского района (Краснохолмский комбинат, завод им. Калинина, фабрика «Парижская коммуна», завод точных приборов, завод «Красный блок», Мосэнерго, кожзавод имени Тельмана, завод Моспласткож, лентоткацкая фабрика, фабрика «Красные сукончики», Авиапромнаб) и 1-я дивизия Ленинского района (станкозавод имени Серго Орджоникидзе, завод «Красный пролетарий», завод «Шарикоподшипник», Наркомцветмет, карбюраторный завод, фабрика «Красный Октябрь», Наркомат автотранспорта, завод ЭНИМС, ГЭС № 2, завод «Лифт», завод «Главполиграфмаш», 1-й таксомоторный парк).

Из приведенного списка понятно, что формирование ополчения в районах шло по предприятиям. Москворецкую дивизию составили группы добровольцев завода имени Владимира Ильича – 260, фабрики Кожобъединения – 160, фабрики имени Фрунзе – 196, 1-й Образцовой типографии – 150, фабрики Гознак – 130, а также мебельной фабрики имени Мазевского, комвольно-прядельной фабрики имени Калинина, завода «Газоаппарат», завода «Стекломашина», института народного хозяйства имени Плеханова. В этих списках перечислены самые крупные предприятия, на самом деле райкомовская разрядка пропорционально охватывала всю производственную сеть района, в том числе магазины, больницы, школы – среди ополченцев были и школьники 10-х классов, и преподаватели. Так, десятиклассник 553-й школы Василий Рыбаков после выпускного вечера, в первый день войны, подал заявление, а 4 июля ему пришла повестка.

Справедливости ради, надо сказать, что в потоке патриотических заявлений были обращения с предложением просто с большей нагруз-



кой, с большей пользой для защиты Родины использовать его способности в производстве, на котором он работал, совсем не подразумевая под этим необходимость надевать шинель и идти грудью защищать столицу. Но тогдашние партийные предводители не были способны на такое высокое, творческое использование человеческого потенциала в стране победившего социализма. Они были лишь честными и добросовестными исполнителями указаний сверху, а таких указаний не было.

Штаб 17-й дивизии располагался в Стремянном переулке, в здании института народного хозяйства имени Плеханова. Комиссаром дивизии был утвержден заведующий кафедрой экономической географии института, профессор Иван Степанович Кувшинов. 5 июля из Московского Военного округа прибыл назначенный командиром Москворецкой дивизии полковник Петр Сергеевич Козлов, с орденом Красного знамени на груди (за финскую кампанию), строгий, подтянутый, четко и толково отдающий распоряжения, он сразу завоевал авторитет безупречного командира.

Преподаватели института составили ядро политических работников дивизии. В 1314-м полку было целое подразделение студентов-плехановцев, они всегда были возбуждены, заряжены оптимизмом и боевым настроением.

Сборный пункт формирования будущего 1312-го полка находился в здании школы по Пятницкой улице, дом 70/39, будущий 1314-й полк собирался в школе № 559 по 1-му Казачьему переулку, дом 8/11, 1316-й стрелковый полк – в школе № 555, Большая Серпуховская, дом 13. Четвертый полк (впоследствии личный состав его был распределен по первым трем полкам) собирался в здании на Варшавском шоссе, 17. Артиллеристы, разведчики, связисты, автотранспортная рота, хозяйственные подразделения были расположены в помещении школ по улицам Щипок, 4, Житная, 8 и по Холодильному переулку.

Всего же в народное ополчение Москворецкого района записалось свыше семи тысяч добровольцев. В состав Москворецкой дивизии влился батальон добровольцев Свердловского района численностью 867 человек; место его сбора – улица Чехова, 20. 6 июля все списки состава во всех батальонах и полках 17-й стрелковой были сверены и к вечеру заверены командованием дивизии. В списке 2-го батальона 1312-го полка в нарушение возрастного пункта постановления Московского военного округа значилась фамилия шестнадцатилетнего

Родионова Спартака, но таких нарушений, особенно верхней возрастной планки, в то время было немало. Спартак был горд и счастлив.

7 и 8 июля в полках, батальонах и ротах Москворецкой дивизии основное время было отдано строевой подготовке. После ужина 8 июля был объявлен поход в Даниловские бани, все отделения бань в этот вечер работали на то, чтобы помыть добровольцев – завтра они покинут родной город и уйдут в направлении фронта.

Путь в бани от Серпуховской площади проходил по родной Люсиновской улице. Шли строевым шагом по свободному шоссе, сигнальщики на каждом перекрестке перекрывали флажками движение автомобильного и гужевого транспорта, тогда сделать это было просто. На тротуарах собирался народ, некоторые женщины быстро шли вместе со строем, что-то говорили, прикладывали платок к глазам.

Вдруг впереди поднялся суровый мотив только что выученной песни – «Вставай, страна огромная», женщины останавливались, медленно махали платками вслед уходящему строю.

9 июля ополченцы были подняты с рассветом. На утреннем построении зачитывается приказ по дивизии – полкам, по-батальонно, с интервалом через час, походным маршем, с вещевыми мешками, с предварительным посещением пункта питания в столовой молочно-го комбината, Люсиновская, 35, через Калужскую заставу держать указанный курс в юго-западном направлении от столицы.

После завтрака – последнее построение на родной Люсиновской улице, в то время правая сторона ее была застроена типичными для Замоскворечья двух- и трехэтажными бывшими купеческими доходными домами.

«Второй батальон, смир-но! На-ле-во! Шагом марш!»

И пошли добровольцы на фронт.

С Люсиновки свернули на Арсеньевский переулок, мимо «Новой зари», Гознака. На пересечении с Мыгтной улицей возвышались новые семиэтажные дома. Слева, в начале Хавской улицы, на Дровяной площади располагался Сенной рынок. В октябре 1941 сюда упадет огромная бомба, от страшной силы взрыва содрогнется вся округа. Жители, прятавшиеся в щелях-траншеях на рынке, станут жертвами этого взрыва. Огромная воронка, диаметром около 50 метров, оставалась нетронутой несколько лет. В 1943–1945 годах вдоль улицы перед затянувшейся со временем воронкой будет выставляться трофейная техника.



Поворот в Конный переулок. Впереди налево 2-й подшипниковый завод, направо стадион «Красный пролетарий» – настоящая кузница здоровья, замечательный универсальный комплекс спортивных сооружений, простых и доступных тысячам жителей окрестного Замоскворечья. Вот уже Большая Калужская улица, Голицинская больница остается справа позади, а впереди Калужская застава и, в овраге, окружная железная дорога – граница тогдашней Москвы. Когда в ноябре 41-го Москва оцетинится навстречу страшной фашистской угрозе, здесь пройдет первая полоса городского рубежа обороны. По внутренней стороне оврага, через каждые 50 метров будут поставлены доты, в первые послевоенные годы мальчишки близлежащей округи будут использовать их для игры в «войну», а площадь Калужской заставы будет вся перегороджена противотанковыми ежами, надолбами и баррикадами.

А сейчас, под палящим июльским солнцем, батальоны Московрепкой дивизии пересекли границу родного города и держат курс на юго-запад и всех их, ополченцев, объединяет готовность с оружием в руках немедленно выступить против фашистского агрессора, посягнувшего на честь их любимой Родины (Карта 4).

17-я дивизия выходила из Москвы двумя потоками – два полка по Большой Калужской, остальные полки, соединения и штаб дивизии по Варшавскому шоссе в направлении Бутово.

Вдоль магистралей, по ходу движения, ополченцев провожали тысячи москвичей, слышались торжественные напутствия и возгласы: «Смерть немецким захватчикам!», «Защитим нашу Родину!». И ответное чувство возникало в душах будущих бойцов, как светоч преодоления всех испытаний уверенность в том, что «наше дело правое и победа будет за нами». Эта уверенность подвигала вперед четкий строй покидающих Москву добровольцев будущего 1312-го стрелкового полка.

После Калужской заставы путь ополченцев пролегал по высокому склону Воробьевых гор. Шли шагом «вольно». Жара давала о себе знать. Первый короткий отдых, для того чтобы «подтянуть строй», на месте нынешней смотровой площадки на Воробьевых горах. Последний взгляд на панораму любимого города с островерхим силуэтом Кремля в центре, чистейшая гладь Москвы-реки внизу, обострившая чувство жажды во рту. Но долг зовет. Сегодня первое испытание батальона – ему предстоит преодолеть 30-ти километровый марш и к вечеру прибыть в полевой лагерь полка, расположенный в районе населенных пунктов Летово – Сосенки.

Первое испытание, а такие переходы в этот день совершили большинство сформированных дивизий столицы, показало всем кто есть кто, заставило всех ополченцев оценить – насколько их желание защищать Родину совпадает с их возможностями. Батальон, в котором шагал Спартак Родионов, состоял в основном из рабочих замоскворецких предприятий. Многим было за 40–50 лет. Некоторые прошли 1-ю империалистическую и гражданскую войны. Молодежи было меньше. Одеты все были по-разному, некоторые даже уходили в рабочих комбинезонах, несмотря на жару многие шли в пиджаках.

Третью часть добровольцев составляли коммунисты и комсомольцы. Должности политработников занимали люди, рекомендованные райкомом партии, командиры батальона и рот – кадровые военные. К концу дня строй батальона значительно растянулся, кого-то пришлось сразу «снимать с дистанции».

В полевых лагерях 17-ю дивизию ждало пополнение из Люблинского и Каширского районов Московской области, численность соединения стала прибавляться. Начались боевые будни дивизии, бойцы стали оборудовать лагерь – строили шалаши-навесы, ставили палатки, возводили пищеблок.

В первое время районы активно шефствовали над своими подопечными в части материального снабжения их. По отчету военного отдела райкома партии, с предприятий Москворецкого района было взято: 45 грузовых машин, походная типография, 2 походные автомастерские, 5 легковых автомашин, 400 мотоциклов, 1000 велосипедов, 2 походные кухни, 45 раскладных кроватей, 7000 одеял, 500 топоров, металлические лопаты, кружки, миски, ложки и всевозможные другие предметы – безусловно, ценное и необходимое подспорье в организации хозяйственно-бытовой жизни ополченцев.

Но 17-я дивизия отправилась не в турпоход. Менее чем через три месяца ей придется встретиться в смертельной схватке с высокоорганизованной, решительной и маневренной немецкой танковой громадой, наступающей во взаимодействии со всеми наземными и воздушными родами войск, поэтому освоение боевой грамоты было главной задачей московских ополченцев, а вот с материально-техническим снабжением и учебного периода, и, впоследствии, уже боевого было не на высоте. Но ополченцев это не смущало, люди все были сознатель-



ные и понимали так: ополчение – это не регулярные войска, на довольствии Красной Армии не состоят, поэтому они усердно грызли военную науку в тех условиях, которые складывались.

18 июля полки Москворецкой дивизии снялись с обжитого места базирования и снова двумя потоками по Варшавскому и Калужскому шоссе двинулись на юго-запад, конечный пункт – Ильинское, Сергеевка, это 20 км за Малоярославец. Теперь уже переход был по-настоящему боевой – 120 км, 40 км в день, привал через каждые два часа. Жара не спадала. Батальоны сопровождала группа из роты самокатчиков. Бойцы на велосипедах следили за движением колонны, помогали отстающим. И после этого марша произошел некоторый отсев личного состава.

21 июля дивизия получила недостающее оружие, обмундирование, обувь. На следующий день ополченцы приступили к строительству оборонительных рубежей по линии Подсосино, Ильинское, Лукьяново, Константиново, как раз на том рубеже, на котором с 10 по 17 октября будет держать героическую оборону сводный отряд Подольских курсантов. Бойцы Москворецкой дивизии начали привыкать к новому распорядку – ежедневно, отработав на оборонительном рубеже 6 часов, они 8 часов занимались боевой и политической подготовкой по ускоренной программе. Половина рот была занята на стройке, другая – на учении, после обеда менялись местами.

30 июля приказом Ставки на Ржевско-Вяземской линии обороны был образован Резервный фронт, в состав которого вошли 24, 31, 32, 33, 38 и 43-я армии. Ополченские дивизии, как и весь Резервный фронт, должны были готовить в тылу Западного фронта оборонительный рубеж для надежного прикрытия Москвы.

31 июля приходит приказ: 33-я армия в составе 9, 5, 1, 17 и 21-й дивизий народного ополчения, 876-го и 878-го артполков сосредотачивается в районе Спас-Деменска, 17-я сд к исходу 02.08.41 занимает рубеж Бураки, Подлесное.

1 августа 1941 года 17-я стрелковая дивизия, теперь в приказах ее уже называли стрелковой, выгрузилась с железнодорожных эшелонов в Спас-Деменске, который уже изрядно бомбили, и перешла маршем немного юго-западнее на Варшавское шоссе, в район Яблонново – Подлесная – Крисилино – Осиновка. Этот новый рубеж дивизии находился уже рядом с фронтом. В 40–80 км от них, западнее по берегам реки

Десна и северо-западнее в районе Ельни, шли полномасштабные бои Смоленского сражения.

В день прибытия на рубеж обороны под Спас-Деменском 17-я дивизия насчитывала 8 тыс. 131 человек. Московский Комитет партии учредил боевые знамена для частей народного ополчения. 8 августа на большой лесной поляне, недалеко от деревни Пальково, в торжественной обстановке бойцы 17-й Москворецкой дивизии принимали боевое Красное знамя с вышитыми на нем словами: «За Родину! За советский народ!». Знамя вручала секретарь Москворецкого райкома О. В. Козлова. В этот же день боевые Красные знамена были вручены полкам дивизии. Под этими знаменами ополченцы приняли присягу на верность Родине, своему народу и партии.

26 августа приказом Военного Совета Резервного фронта дивизия была переведена на организацию и штаты сокращенной стрелковой дивизии военного времени, то есть теперь она была одета, обута, накормлена и вооружена, но по сокращенной программе. В сентябре 17-я стрелковая станет полной кадровой дивизией Красной Армии. 3 октября 1941 года она вступит в смертельный бой с ненавистным врагом, вооружение ее увеличится, но, к сожалению, останется еще далеко от полного штатного расписания.

Вот так формировался боевой облик Москворецкой дивизии народного ополчения. И каждый день становления будущего защитника Отечества, защитника Москвы начинался с желания узнать – как там дела на фронте.

Дела на фронте шли неважно. Предсказания вождя о том, что неудачи нашей героической Красной Армии временны, что в бой вступают главные силы Красной Армии, что наш отпор крепнет и растет – все эти предсказания как-то не сбывались.

Но несмотря ни на что, даже вопреки этому, каждый день в душах наших будущих героев росла внутренняя убежденность в том, что их патриотический порыв в первые дни войны – грудью встать на защиту своей Родины, окажется необходимо нужным в тот самый критический момент для их Отечества, для их дорогой столицы, для Москвы.



Перед тем как войти в сражения Московской битвы, мы ознакомимся на трех примерах с начальным периодом столкновения Красной Армии с фашистским агрессором. Три эпизода взяты из боевых биографий будущих героев Московской битвы: Константина Константиновича Рокоссовского, Михаила Федоровича Лукина и Георгия Константиновича Жукова.

Первый по времени эпизод – Правый фланг Юго-Западного фронта, 5-я армия, район Новград-Волынский – Луцк – Ровно, командующий 9-м механизированным корпусом генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский (Карта 5).

*Около четырех часов утра 22 июня дежурный офицер принес мне телефонограмму из штаба 5-й армии: вскрыть особый секретный оперативный пакет.*

*Директива указывала: немедленно привести корпус в боевую готовность и выступить в направлении Ровно, Луцк, Ковель. В четыре часа приказал объявить боевую тревогу, командирам дивизий Новикову, Калинин и Черняеву прибыть на мой КП. Пока войска стягивались на исходное положение, комдивам были даны предварительные распоряжения о маршрутах и времени выступления.*

*Вся подготовка шла в быстром темпе, но спокойно и планомерно. Каждый знал свое место и точно выполнял свое дело. Затруднения были только с материальным обеспечением. Ничтожное число автомашин. Недостаток горючего. Ограниченное количество боеприпасов. Ждать, пока сверху укажут, что и где получить, было некогда. Неподалеку находились центральные склады с боеприпасами и гарнизонный парк автомобилей. Приказал склад вскрыть. Сопротивление интендантов пришлось преодолевать соответствующим внушением и расписками. Кажется, никогда не писал столько расписок, как в тот день.*

*А. Г. Маслов с утра добивался связи с вышестоящим командованием. Лишь к десяти часам каким-то путем он на несколько минут получил Луцк, узнал, что город вторично подвергается бомбежке, связь все время рвется, положение на фронте неизвестно, Киев бомбили немцы. И тут же связь опять нарушилась. С командованием округа, которому мы подчинялись, связаться никак не могли. От него за весь день 22 июня – никаких распоряжений. Около одиннадцати часов над нами на большой высоте прошло до двадцати немецких бомбардировщиков.*

*Все внимание я сосредоточил на подготовке войск. Горючее, боеприпасы, обеспечение порядка в самом городе, охрана воинского имущества, остающегося после ухода войск, забота о семьях комсостава, проверка готовности частей, митинги личного состава – все нужно было успеть сделать в считанные часы. И вместе с тем я уже думал о бое – как-то встретит свой первый бой наш необстрелянный солдат.*

*В четырнадцать часов 22 июня корпус выступил по трем маршрутам в общем направлении Новоград-Волынский, Ровно, Луцк. В воздухе с момента объявления тревоги и на походе мы не видели нашей авиации. Немецкие самолеты появлялись довольно часто, это были преимущественно бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте, почему-то без сопровождения истребителей. Мы вскоре узнали, в чем дело, увидев наши разбитые и сожженные самолеты, так непредусмотрительно сосредоточенные на аэродромах приграничной полосы.*

*К началу войны 9-й мехкорпус был укомплектован личным составом почти полностью. Не хватало еще вооружения, и обучение людей не было завершено. Но в сложившейся обстановке воевать с этим составом было можно.*

*Несчастье заключалось в том, что корпус только назывался механизированным. С горечью смотрел я на походе на наши старенькие Т-26, БТ-5 и немногочисленные БТ-7, понимая, что длительных боевых действий они не выдержат. И этих танков у нас было не больше трети положенного по штату. Пехота машин не имела, а поскольку она значилась моторизованной, не было у нее ни повозок, ни коней. Но, несмотря на трудности, мы сделали все, чтобы собрать в боевой кулак наши силы и дать отпор врагу, честно выполнить свой солдатский долг. Однако, вспоминая минувшее, я могу теперь сказать, что в директиве Генерального штаба не был предусмотрен вариант действий корпуса на тот случай, если война застанет его в стадии формирования, без боевой техники и транспорта. Директива имела в виду полное механизованное соединение, обеспеченное всем для выполнения любой боевой задачи.*

*Пехота, лишенная конского тягла, совершила в первый день 50-километровый переход. Для меня это до сих пор – пример выносливости и самоотверженности советского солдата. Но люди совсем выбились из сил. Пехота вынуждена была нести на себе помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, 50- и 82-миллиметровые минометы и боеприпасы к ним. И в какую жару...*



Моторизованная дивизия, имея машины, к исходу 22 июня достигла района Ровно. К этому времени связь штаба корпуса со всеми соединениями была устойчивой и положение не вызывало беспокойства. Из донесения и из других источников смутно вырисовывалась картина событий на Луцком направлении – стало очевидным, что противнику удалось прорваться через границу и значительно продвинуться вглубь. Не изменяя походного порядка, главные силы корпуса продолжали 23 июня движение по намеченным маршрутам, усилив разведку на флангах.

Положение требовало выяснить обстановку и в зависимости от этого начать действовать, дав войскам возможность немного отдохнуть и привести себя в порядок после форсированных переходов. Где-то впереди или в стороне от нас должны были находиться части 19-го и 22-го мехкорпусов. Разведгруппы отправились на поиски. В результате мы установили, что 19-й корпус выступил в направлении Ковеля и передовыми частями уже ведет бой севернее Луцка, 22-й движется на Дубно.

Маслову удалось на короткое время связаться с начальником штаба фронта генералом М. А. Пуркаевым. Тот успел передать, что корпус переходит в подчинение 5-й армии и нам следует сосредоточиться в районе Клевани, Олыка.

Наши части шли вперед. Навстречу по шоссе Луцк – Ровно двигались на восток беспорядочные толпы людей. Над шоссе часто появлялись немецкие самолеты. Они бомбили войска и беженцев.

24 июня 9-й мехкорпус вышел в район сосредоточения и вступил в бой.

131-я мотодивизия, отбросив за Стырь форсировавшие ее передовые части противника, вела бой на рубеже Луцк и южнее, отражая попытки немцев снова переправиться на восточный берег.

35-я танковая дивизия вела бой юго-западнее Клевани, имея перед собой части 13-й немецкой танковой дивизии.

20-я танковая дивизия на рассвете 24-го головным полком с ходу атаковала располагавшиеся на привале в районе Олыка моторизованные части 13-й танковой дивизии немцев, нанесла им большой урон, захватила пленных и много трофеев. Закрепившись, дивизия весь день успешно отбивала атаки подходивших танковых частей противника. На следующий день та же картина – упорные оборонительные бои на рубеже Луцк, Олыка, южнее Клевани с танками и мотопехотой двух немецких дивизий (14-й и 13-й). Противник стремился перехватить дорогу Ровно – Луцк

и овладеть Луцком. Наши части героически отразили эти попытки. Лишь к вечеру стало затихать. Немцы тогда ночью не наступали.

26 июня по приказу командарма Потапова корпус нанес контрудар в направлении Дубно. В этом же направлении начали наступать левее нас 19-й, а правее 22-й механизированные корпуса. Никому не было поручено объединить действия трех корпусов. Они вводились в бой разрозненно и с ходу, без учета состояния войск, уже двое суток дравшихся с сильным врагом, без учета их удаленности от района вероятной встречи с противником.

Время было горячее, трудности исключительные, неожиданности возникали везде. Пришло распоряжение фронта: «Нанести мощный контрудар во фланг прорвавшейся группе противника, уничтожить ее и восстановить положение». Согласовывалось ли оно с обстановкой, не говоря уже о положении, сложившемся к 26 июня на житомирском, владимир-волинском и ровненском направлениях, где немецкие войска наносили свой главный удар? Нет, не согласовывалось. У меня создалось впечатление, что командующий фронтом и его штаб в данном случае просто повторили директиву Генштаба, который конкретной обстановки мог и не знать. Мне думается, в этом случае правильнее было бы взять на себя ответственность и поставить войскам задачу исходя из сложившегося положения.

Корпуса продолжали тяжелые бои с противником, который все усиливал нажим. Кроме действовавших здесь танковых и моторизованных сил, он подтянул и пехотные дивизии. Связь с соседями то и дело прерывалась. Удалось узнать, что 22-й мехкорпус сам был атакован большими вражескими силами, понес потери и отброшен на северо-восток от Луцка. Сосед слева – 19-й корпус при попытке начать наступление тоже был атакован противником из района Дубно, отброшен к Ровно, где и вел оборонительный бой.

Выехав с группой офицеров штаба на высоту в расположении ведущих бой частей 20-й танковой дивизии, я наблюдал движение из Дубно в сторону Ровно огромной колонны автомашин, танков и артиллерии противника. А с юга к нашему рубежу обороны шли и шли новые колонны гитлеровцев. Все, что мог сделать командир корпуса, располагая очень небольшим количеством танков, – это опереться на артиллерию.

Так я и поступил.



Был опять получен приказ о контрударе. Однако противник настолько превосходил нас, что я взял на себя ответственность не нанести контрудар, а встретить врага в обороне.

В тех лесистых, болотистых местах немцы продвигались только по большим дорогам. Прикрыв дивизией Новикова избранный нами рубеж на шоссе Луцк – Ровно, мы перебросили сюда с левого фланга 20-ю танковую с ее артполком, вооруженным новыми 85-миллиметровыми орудиями. Начальник штаба организовал, а Черняев быстро и энергично осуществил маневр. Орудия поставили в кюветах, у шоссе, а часть – прямо на дороге.

Немцы накатывались большой ромбовидной группой. Впереди мотоциклисты, за ними бронемашины и танки. Мы видели с НП, как шли на 20-ю танковую внушительные силы врага. И увидели, что с ними стало. Артиллеристы подпустили фашистов поближе и открыли огонь.

На шоссе образовалась чудовищная пробка из обломков мотоциклов и бронемашин, трупов гитлеровцев. Но наступавшие вражеские войска продолжали по инерции двигаться вперед, и наши орудия получали все новые цели. Враг понес тут большие потери и был отброшен. Генерал Новиков, используя удачу Черняева, двинулся вперед и сумел занять нужные нам высоты.

Мы заставили противника довольно долго по тем временам тдтаться на месте. Было ясно, что наша «дерзость» не останется безнаказанной. Так оно и случилось. Над нами появились «юнкерсы». Самолеты шли волнами и бомбили нас нещадно, но, к счастью, безрезультатно: солдаты были укрыты в лесу, пушки и танки поставлены в окопы.

Мне, как командиру корпуса, больше всего доставляло неприятностей отсутствие информации о положении на фронте. Чувство локтя необходимо не только солдату. Оно – в более широком понимании – необходимо и высшему комсоставу действующих войск. Без этого, хочешь или не хочешь, творческая мысль оказывается связанной.

Всю информацию пришлось добывать самим. Но далось это дорогой ценой: многие штабные офицеры погибли, выполняя задания. По отдельным сообщениям в какой-то степени удавалось судить о том, что происходит на нашем направлении. Как идут дела на участках других армий Юго-Западного фронта, мы не знали. По-видимому, генерал Потапов был не в лучшем положении. К тому же и связь с ним чаще всего

отсутствовала. Полезные данные были получены при опросе пленных. Картина была неутешительной. Немцам удалось внезапным ударом заранее сосредоточенных крупных сил прорваться на стыке 5-й и 6-й наших армий. Эти войска развивали успех, стремясь быстрее продвигнуться на житомирском направлении. Главный удар противника пришелся южнее нас.

Но нам тоже было нелегко. Командир 131-й мотодивизии донес, что пехота и танки противника отбросили его полки, оборонявшиеся на рубеже реки Стырь, и на широком фронте форсировали реку.

Стало ясно – враг наращивает силы и на нашем направлении и готовит здесь мощный танковый удар. Дивизии наши поредел. Но бойцы и командиры из необстрелянных стали обстрелянными. Значение этого нельзя недооценивать. Они на личном опыте убедились, что «немцев бить можно». Словом, люди стали сильнее.

Во время тяжелых боев мы нашли и необычный источник пополнения: в лесах близ Клевани бродило тогда немало бойцов, потерявших свои части. Мы собирали их и направляли в наши пехотные полки. Многие из этих бойцов отлично проявили себя затем в боях.

Немцы бросали против 9-го мехкорпуса все новые силы. Упорные бои продолжались до 29 июня. Противнику не удалось перехватить дорогу Ровно – Луцк на направлении Клевани, не удалось ему и вообще прорвать оборону войск 5-й армии. 30 июня для наших войск создались серьезные трудности на житомирско-киевском направлении, вследствие чего 5-я армия начала отход на рубеж старых укрепрайонов. Соединения корпуса, отражая атаки наседавшего противника, отходили от рубежа к рубежу, применяя методы «подвижной обороны».

Немецкие танковые и моторизованные соединения были оснащены техникой, которая превосходила по своим качествам наши устаревшие машины Т-26 и ВТ. После форсированных переходов и десятидневных боев у нас и этих устаревших танков оставались единицы. Несмотря на столь плачевное положение с материальной частью и понесенные в боях потери, корпус продолжал упорно сражаться. Ни огромное превосходство противника в танках, ни широкое использование им авиации, которая беспрепятственно бомбила наши боевые порядки, особенно там, где враг наносил удар, не сломили упорства корпуса. Гитлеровцы не смогли разгромить нас. Им удалось лишь потеснить наши войска, да и то ценой огромных потерь. Сочетая усилия пехоты, артиллерии



и незначительного количества танков, комбинируя их действия, мы стремились нанести противнику как можно больший урон.

В разгар боев под Новоград-Волынским, где немцы пытались отбросить наш корпус на северо-восток, обеспечивая себе продвижение к Киеву, пришло распоряжение Ставки. Меня назначали командующим армией на Западный фронт. Было приказано немедленно прибыть в Москву.

Сдав командование генералу А. Г. Маслову, 14 июля на машине отправился в Киев. Приехал туда поздним вечером. Крепятик, обычно в эти часы заполненный народом, был пуст, молчалив и погружен в темноту. На восточном берегу Днепра, в Броварах, разыскал КП фронта. Утром представился командующему Юго-Западным фронтом генерал-полковнику М. П. Кирпоносу. Он был заметно подавлен, хотя и старался сохранить внешнее спокойствие. Я считал своим долгом информировать командующего о том, какова обстановка в полосе 5-й армии. Он слушал рассеянно, прерывал доклад, когда по телефону отдавал штабу распоряжения. Речь шла о «решительных контрударах» силами то одной, то двух дивизий. Я заметил, что он не спрашивал при этом, могут ли эти дивизии контратаковать. Создавалось впечатление, что командующий не хочет взглянуть в лицо фактам.

А немцы раскалывали войска Юго-Западного фронта в центре, стремительно продвигаясь к Киеву. Появилась угроза окружения 6-й, 26-й и 12-й армий.

15 июля я покинул Киев, получив предварительно сведения, что на Западном фронте тоже неблагоприятно – немцы подходят к Смоленску.

По дороге в Москву невольно снова и снова перебирал в памяти все, что пришлось увидеть и пережить накануне и в первые недели войны. Мне уже тогда стали известны многочисленные примеры невиданной стойкости наших солдат. Подлинный героизм проявили гарнизоны Бреста, Либавы. С беззаветной храбростью дрались многие наши части и соединения.

И все же было ясно, что приграничное сражение нами проиграно. Остановить врага теперь можно будет не подбрасыванием разрозненных частей и соединений к растянутому фронту, а созданием где-то в глубине нашей территории сильной группировки, способной не только противостоять мощной военной машине противника, но и нанести ему сокрушительный удар. На первый план выдвигалась задача задержать, остановить врага. Это был вопрос жизни или смерти для всей страны.

Несколько итоговых рассуждений о том, как мы вступили в войну.

Располагая всеми возможностями для оказания достойного сопротивления, советские войска из-за политики Сталина оказались застигнутыми врасплох. Оборона приграничных рубежей в первые же дни была расколота. Не имея четких планов и прочной связи, штабы фронтов – не по своей вине – нацеливали армии прикрытия на плохо подготовленные, поспешные контрудары, истощающие войска.

Несмотря на героическое сопротивление частей Красной Армии, немецкие танковые клинья прорвали нашу оборону и устремились в глубь страны, уничтожая сначала дивизии первого эшелона, затем – второго и, наконец, обрушиваясь на резервы округов. 28 советских дивизий были полностью разгромлены, 72 – потеряли свыше половины своего состава.

К 9 июля, когда московские дивизии народного ополчения уходили на фронт, противник уже продвинулся на восток на 450–600 км, захватил большую территорию, на которой располагалось 200 складов с горючим, продовольствием, боеприпасами и другим имуществом. Красная Армия теперь не имела преимуществ в самолетах, в танках, в людях, даже винтовок у нас стало не хватать.

И только небывалое напряжение сил всего советского народа, массовый героизм и стойкость воинов «внизу» – на полях сражений, помогли удерживать обстановку.

Второй эпизод – Западный фронт, сражение за Смоленск, командующий 16-й армией генерал-лейтенант М. Ф. Лукин (Карта 6).

Рассказ о боях в Смоленске взят из романа Ивана Стаднюка «Москва, 41-й». Известный журналист и писатель был дружен с Михаилом Федоровичем и писал страницы о Смоленском сражении с консультациями героя Московской битвы.

Третья декада июля началась неторопливо разгоравшимся восходом солнца. Свежесть утра вскоре сменилась духотой – неподвижной и густой от поднимавшихся с земли испарений.

Но... они (немецкие генералы. – В. К.) вновь и вновь, каждый день, с рассвета и до новой зари, бросали свои войска через Днепр, чтобы овладеть северной частью древнего города и выйти на магистраль Минск – Москва. А ведь где-то до середины июля немцы воевали строго



по графику – с 8 часов утра и до 8 часов вечера, если не считать ночных вылазок их разведчиков. Сейчас же заторопились завоеватели.

Да, немцы, всегда помнившие, что на путях стратегического искусства нужны не ноги, а крылья, очень спешили. Это особенно хорошо видел по своей очередной топографической карте генерал Лукин. На нее каждый день и не единожды, штрих за штрихом, наносились месторасположения, действия и передвижения частей противника и своих частей, и она... рассказывала понимающему глазу суть происходившего на огромных просторах...

Прежние обозначения на карте, соединившись с последними, молчаливо свидетельствовали о том, что немцы, бросив в наступление на Смоленск с запада 3-ю танковую группу и правифланговые дивизии своей 9-й армии, а с юго-запада несколько дивизий 2-й танковой группы, намеревались окружить советские войска, оборонявшиеся на рубеже Витебск, Шклов, захватить Смоленск, Вязьму и открыть дорогу на Москву.

И никуда не денешься от очевидной истины: пусть ценой больших потерь, но врагу удалось добиться серьезного успеха... Однако Смоленск все-таки стал ему костью в горле.

...То не от лучей восходящего солнца и сегодня краснела зыбь в тиховодном Днепре, делившая Смоленск на большую – южную и меньшую – северную части. Генералу Лунину почему-то думалось, что кровь должна плыть по поверхности воды пленкой. Оказалось – нет: она смешивалась с водой, растворялась в ней... Сколько же надо было пролиться крови, чтобы текущая вода стала багровой... Очередная попытка одного из полков дивизии полковника Чернышева захватить ночью на противоположном берегу Днепра плацдарм не принесла успехов и на этот раз. Несколько таких неудач потерпели полки дивизии генерала Городнянского. Более того, немцы, забрасывая снарядами, минами и бомбами удерживаемый нашими войсками берег, то и дело сами форсировали Днепр и врывались в северную часть города.

Уже трижды переходили из рук в руки здесь, в Заднепровье, вокзал и рынок, кладбище и часть аэродрома. Малейшее продвижение немцев в глубь Заднепровья вызывало новый прилив свирепого отчаяния у защитников Смоленска, и они бросались в контратаки с такой яростью, что потом днепровские воды еще жутче взблескивали краснотой. Впро-

чем, то было не только отчаяние, а и естественное упорство, вызываемое пониманием: за спиной оборонявшихся находилась главная дорога на Москву. Да, именно невиданное самоотречение бросало на врага полки дивизий генерала Городнянского, полковника Чернышева и сводный рабочий отряд смоленских добровольцев. Потом включилась в борьбу за Смоленск 158-я стрелковая дивизия полковника Новожилова, ранее входившая в состав 19-й армии. <...>

Генерал Лукин вместе со своим адъютантом носился между командно-наблюдательными пунктами командиров дивизий и лесом у совхоза Жуково, где находился штаб его армии и узел связи. Связь со штабом фронта пусть не постоянно, но была сносной...

<...>

...На рассвете второго дня немцам удалось овладеть кладбищем в северной части города, что позволяло им бросить через Днепр в полосу захваченной территории новые силы. Узнав об этом, генерал Лукин приказал комдиву Городнянскому: «Надо вышибить врага за Днепр во что бы то ни стало. Посылаю вдоль берега, со стороны Красного Бора, свой резерв: стрелково-пулеметную роту...». Рота была собрана, как говорят, с бору по сосенке, но обладала приличной огневой мощью, имея в своем составе, кроме взвода стрелков, три расчета станковых пулеметов.

Чувствуя, что обескровленным полкам 129-й стрелковой дивизии придется нелегко, Лукин и Лобачев, охваченные тревогой, поехали на командно-наблюдательный пункт генерала Городнянского – в каменный дом, торчащий надломленным зубом среди руин на пологости улицы, наискосок спускавшейся к бывшему мосту через Днепр.

...В яростном трехчасовом бою уцелевшие немцы были вытеснены с кладбища, прижаты к Днепру, а затем почти поголовно перестреляны, когда пытались перебраться на противоположный берег. Но дорогой ценой досталась эта небольшая победа и дивизии генерала Городнянского. На утопавшем в зелени и спускавшемся уклоном к дороге кладбище густо лежали трупы не только солдат-чужеземцев... но и красноармейцев.

После боя, покинув каменное прибежище Городнянского, генерал Лукин и дивизионный комиссар Лобачев сидели на сваленной взрывом кирпичной опоре от боковой кладбищенской ограды, скорбно смотрели на жуткую картину смерти, бросая иногда взгляды вниз, к дороге, за которой в ожерелье кустов скрывался Днепр.



Со стороны Лукин и Лобачев напоминали изнеможенных беженцев, присевших отдохнуть. Их густо запыленная одежда, измученные лица с тускло серебрившейся на висках и подбородках сединой да притухшие глаза выдавали физическую и душевную изнуренность.

<...>

Мимо них пробежали два бойца-связиста – усталых, в изодранных гимнастерках и разбитых сапогах. У одного улюлюкала на спине катушка с телефонным проводом, который стелился по земле, а второй придерживал на боку облезлую, с остатками зеленой краски, деревянную коробку телефонного полевого аппарата. В десятке метров от начальства бойцы, оголив конец провода, срастили его с найденным оборванным проводом и подключили телефонный аппарат. Один из связистов тут же начал с кем-то переговариваться, проверяя исправность линии, и генерал Лукин окликнул бойцов:

– Ребятки, попробуйте вызвать «Розу» и пригласить к аппарату «тридцатку».

«Роза» – это был сегодняшний позывной командного пункта 16-й армии, а Тридцатый – начальника штаба.

Связисты подтянули провод с подключенным аппаратом прямо к генералу Лукину, и он, взяв трубку, тут же услышал сдержанный голос полковника Шалина:

– Тридцатый слушает.

– Новостей нет, Михаил Алексеевич? – спросил в трубку Лукин и будто увидел перед собой затуманенные усталостью и постоянной тревогой глаза начальника штаба.

– Полный короб, – приглушенно ответил Шалин. – Я уже звонил на КП Городнянского... Необходимо ваше присутствие на «Розе» незамедлительно.

В Лукине вдруг вспыхнуло острое чувство беспокойства: он предполагал, что маршал Тимошенко затевает какой-то неожиданный удар по немцам. Испытывая нетерпение, спросил:

– Можешь иносказательно? Постараюсь догадаться.

– Одну вещь могу в открытую. Пусть даже немцы подслушивают. – И Шалин снисходительно засмеялся.

– Уже интересно... Говори! – повелительно сказал Лукин.

Полковник Шалин стал рассказывать о переданной из политуправления фронта радиogramме с текстом полемики между Гитлером и Черчиллем по поводу того, в чьих руках находится сейчас Смоленск.

– Немцы кричат на весь мир, – доносился голос Шалина, видимо державшего перед собой бланк с радиogramмой, – что в Смоленске не осталось ни одного русского солдата. А Черчилль с трибуны палаты общин сказал, что это брехня. Тогда Гитлер и заявил по радио на всю Европу... Вот послушайте: «Я, Адольф Гитлер, оспариваю утверждение сэра Уинстона Черчилля и просил бы английского премьера запросить командующего 16-й советской армией русского генерала Лукина, в чьих руках находится Смоленск...» – Шалин умолк, пытаясь угадать реакцию Лукина на прочитанное. Но Лукин какое-то время молчал, и Шалин продолжил уже от себя: – Так что, Михаил Федорович, выбились вы в знаменитости мирового масштаба...

– А что?! – невесело, но будто с вызовом, вдруг воскликнул генерал и, видя, что дивизионный комиссар Лобачев смотрит на него с вопрошающим напряжением, кратко передал ему суть разговора с Шалиным. Затем, коротко хохотнув, приказал в телефонную трубку: – Пошлите от моего имени в Политуправление фронта радиogramму... Пусть обязательно доведут до сведения Гитлера и Черчилля, что я нахожусь в северной части Смоленска вместе со своими войсками и через Днепр даю фашистам прикурить...

– Будет исполнено, – с какой-то пасмурностью сказал на другом конце провода полковник Шалин, а затем многозначительно добавил: – Михаил Федорович, другие дела поважнее. Ждем вас немедленно и с нетерпением.

– Сейчас едем... Только перекинусь словом с Городнянским: ему будет небезынтересно узнать, что и на него в эти дни вся Европа взирает.

Командно-наблюдательный пункт 129-й стрелковой дивизии генерала Городнянского на позывные телефонистов откликнулся тотчас же. Ввиду небольшого расстояния, которое разделяло территорию кладбища и полуразрушенный каменный дом в глубине кособоко поднявшейся над Днепром северной части Смоленска, голос Городнянского зазвучал в телефонной трубке громко и четко.

– Авксентий Михайлович, не слышал новость? – спросил у него Лукин.

– Судя по тому, что вам, Михаил Федорович, весело, новость не печальная? – вопросом ответил Городнянский.

– Угадал! – Лукин засмеялся, может, впервые за эти дни. – Где находится сейчас твой командно-наблюдательный пункт?

– Да здесь же, где вы недавно были, в том же каменном мешке.



– Но в черте Смоленска?  
– Разумеется!.. А правофланговый полк моей дивизии, даже пытается взять на том берегу здание областной больницы.

– Ну вот видишь! – В голосе Лунина продолжали звучать веселые взблески. – А Гитлер доказывает Черчиллю, что в Смоленске не осталось ни одного русского солдата. Предлагает за свидетельством обратиться к нам с тобой.

– Серьезно? – не без озадаченности переспросил Городнянский. – Так я сейчас очередным артналетом дам Гитлеру знать, где нахожусь. Позволяете?

– Давай, только щади историю Смоленска: собор, церквушки, памятники. И не трать снарядов на мелкие цели. Гитлер – брехло и так знает, что оседлал только южную часть города.

– Насчет того, что надо щадить историю, это ты молодец, дорогой Михаил Федорович, – сказал дивизионный комиссар Лобачев, посмотрев с одобрительной грустью на Лукина. – Жернова войны так перемалывают древность с сегодняшним днем, что для людей будущего вместо истории остается труха...

– Разгромим фашизм, заключим со всем миром договора о дружбе, и крышка всяким войнам! – Лукин отдал связисту телефонную трубку и молодецки хлопнул ладонью себя по коленке. Затем встал с кирпичной глыбы и кому-то погрозил пальцем: – Все извлекут уроки! Дураков не останется.

– Хорошо бы, – согласился Лобачев, тоже вставая. – А вместо армии пусть бы каждое государство держало небольшие внутренние войска – для устрашения воров и хулиганов.

– И роту почетного караула! – с улыбкой добавил Лукин. – Чтоб иностранных гостей встречать.

– Тогда еще и военный оркестр нужен! – Лобачев извинительно развел руки. – А роте, оркестру, да и внутренним войскам нужны будут духовные наставники. Так что я, возможно, опять буду при деле. А ты, Михаил Федорович, наверняка останешься безработным.

– Каждый день на рыбалку стану ездить! – ухватился за привлекательную мысль Лукин и даже надул от удовольствия щеки, как это делают маленькие дети.

И вдруг они расхохотались – закатисто, безудержно, с какой-то надрывной свирепостью. Это не был «хохот чистого веселья», ибо сверкнувшие на глазах Лобачева стекляшки слез выдали волнение их обоих, пони-

мавших отчаянность своего положения, но не утративших в этом кровавом угаре того подлинного чувства долга, делающего человека человечным.

Смоленск продолжал сопротивляться и не сдавал врагу своего Заднепровья. Казалось, что обгоревшее и искалеченное каменное тело города вросло в холмы древнерусской земли и объятиями высокого духа удерживало при себе наши войска, а захватчиков не пускало в направлении Москвы.

Героическое Смоленское сражение измотало силы врага и задержало его на главном стратегическом направлении. Оно не позволило гитлеровцам осуществить их план «молниеносной войны» и с ходу захватить Москву. Впервые с 1939 года командование вермахта вынуждено было пересмотреть свои планы. Однако развить и закрепить этот тактический успех в будущем Верховному главнокомандованию не удалось.

Московская битва, рассказ о которой начнется со следующей главы, проходила в период, когда вождевистские притязания Верховного Главнокомандующего Иосифа Виссарионовича Сталина достигли гипертрофированных размеров и самым пагубным образом влияли на наши неудачи в оборонительных сражениях с врагом.

Можно точно обозначить этот период: 29 июля 1941 года, смещение с поста начальника Генерального штаба Г. К. Жукова за расхождение с Верховным в оценке плана оборонительных боев Красной Армии, и 26 августа 1942 года, Постановление СНК СССР об учреждении должности заместителя Верховного Главнокомандующего и назначении на эту должность Г. К. Жукова.

Из этого периода, пожалуй, следует исключить три месяца, с 12 октября по 12 января, когда Командующий Западным фронтом, тот же самый генерал армии Г. К. Жуков, имел относительную самостоятельность в принятии решений и его решения влияли на общее руководство воюющей страной. Именно тогда произошла стабилизация обороны, а затем Красная Армия провела успешное контрнаступление.

Итак, свидетельство Георгия Константиновича Жукова:

29 июля я позвонил И. В. Сталину и просил принять меня для срочного доклада.

Тщательно обсудив с оперативными работниками Генштаба общую обстановку, мы пришли к выводу, что противник в ближайшее время на московском направлении не сможет вести наступательную операцию,



до тех пор, пока не ликвидируют угрозу правому флангу своей нацеленной на Москву группировки, а будет стремиться разгромить наш Центральный фронт, чтобы выйти во фланг и тыл Юго-Западному фронту.

Разложив на столе карты, я подробно доложил обстановку, начиная с северо-западного и кончая юго-западным направлением. Показав расположение войск противника, я изложил предположительный характер их стратегических действий.

– Что вы предлагаете? – спросил И. В. Сталин.

– Прежде всего укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий. Поставить во главе фронта опытного и энергичного командующего. Конкретно предлагаю Ватутина. Юго-Западный фронт необходимо целиком отвести за Днепр и занять прочную оборону на восточном берегу.

– А как же Киев? – спросил И. В. Сталин.

Я понимал, что означали два слова «Сдать Киев» для всех советских людей и для И. В. Сталина. Но я не мог поддаваться чувствам, а, как человек военный, обязан был предложить единственно возможное, на мой взгляд, решение в сложившейся обстановке.

– Киев придется оставить, – ответил я. – На западном направлении нужно немедленно организовать контрудар с целью ликвидации ельнинского выступа...

– Какие там еще контрудары, что за чепуха? – вспыхнул И. В. Сталин. – Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?

Я не мог сдержаться и ответил:

– Если вы считаете, что начальник Генерального штаба горюет чепуху, то его следует отрешить от должности. Прошу послать меня на фронт, там я, видимо, принесу больше пользы Родине.

– Вы не горячитесь, – сказал И. В. Сталин, – идите, мы обдумаем вашу просьбу.

Собрав карты, я вышел из кабинета с тяжелым чувством.

Минут через 40 меня вызвали к Верховному.

– Мы решили освободить вас от должности начальника Генерального штаба, – более спокойным тоном сказал И. В. Сталин. – Что вы хотите делать?

– Могу выполнять любую работу. Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом.

– Не горячитесь. Вы вот говорили об организации контрудара под Ельней. Ну и возьмитесь за это дело. Мы назначим вас командующим

Резервным фронтом. В Генштаб скоро прибудет Шапошников, сдайте ему дела и выезжайте. Имейте в виду, вы остаетесь членом Ставки Верховного Главнокомандования.

– Разрешите отбыть?

– Садитесь, выпейте с нами чаю, – уже улыбаясь, сказал И. В. Сталин, – мы еще кое о чем поговорим.

Сели за стол. Разговор не получался.

– Хотите наступать? – иронически спросил Верховный.

– Да, – ответил я.

– Считаете, что с нашими войсками можно проводить наступление? – продолжал он. – Им еще не удалось ни одно наступление, а вы собираетесь наступать?

Я отвечал, что да, и надеюсь на успех.

Вскоре в Генштаб прибыл Б. М. Шапошников. Сборы были недолгими. Я выехал в район Гжатска. Там размещался штаб Резервного фронта.

Главная причина разрыва заключалась в том, что начальник Генерального штаба стал мыслить самостоятельно, твердо, принципиально и в высшей степени профессионально, как полководец – этого вождь народов стерпеть не мог.

Решение возложить на себя еще и частичные обязанности начальника Генерального штаба (Шапошников и Василевский были у вождя лишь техническими помощниками) дорого обошлось армии, народу, стране.

Прежде всего это отразилось на военных действиях войск Юго-Западного, Южного и Брянского фронтов по обороне Киева 19 августа, когда обозначились направления главных ударов 1-й и 2-й танковых армий противника по окружению Юго-Западного фронта (Карта 9). Сталин признался Жукову, что его предположения были верны, но с упорством маньяка для исправления положения начал проводить свой порочный план создания «Брянского кулака».

**Г. К. Жуков:** «Я знал, что собой представляют в боевом отношении войска создаваемого в спешке Брянского фронта, и поэтому счел необходимым еще раз весьма настоятельно доложить по ВЧ Верховному...»

**Г. Гудериан:** «В течение нескольких дней противник предпринимал ожесточенные атаки, очевидно свежими силами, восточнее Глухова и против нашего плацдарма у Новгород-Северского. Атаки русских, предпринятые на Белополье, Глухов и Ямполь, были отбиты».



В результате были бездарно растрочены стратегические резервы. Диктатура единовластия Верховного Главнокомандующего в проведении Киевской операции сыграла роковую роль и имела прямое негативное продолжение в Московской битве.

Ну, а что же Москва, как жил город, вступая в тревожную осень? Познакомимся с воспоминаниями на эту тему известного военного журналиста, с первых дней войны и до ее конца бывшего военным корреспондентом газеты «Красноармейская правда», Аркадия Воробьева из его книги «Москва. Близко к сердцу»:

*Лицо военной Москвы не озарено улыбкой. Оно полно решимости, стало строгим и настороженным, как у часового на посту. На улицах малоллюдно, да это и неудивительно, число жителей в Москве уменьшилось за военное полугодие почти вдвое. По количеству выданных продовольственных карточек можно установить число жителей под крышами Москвы: 2,5 миллиона.*

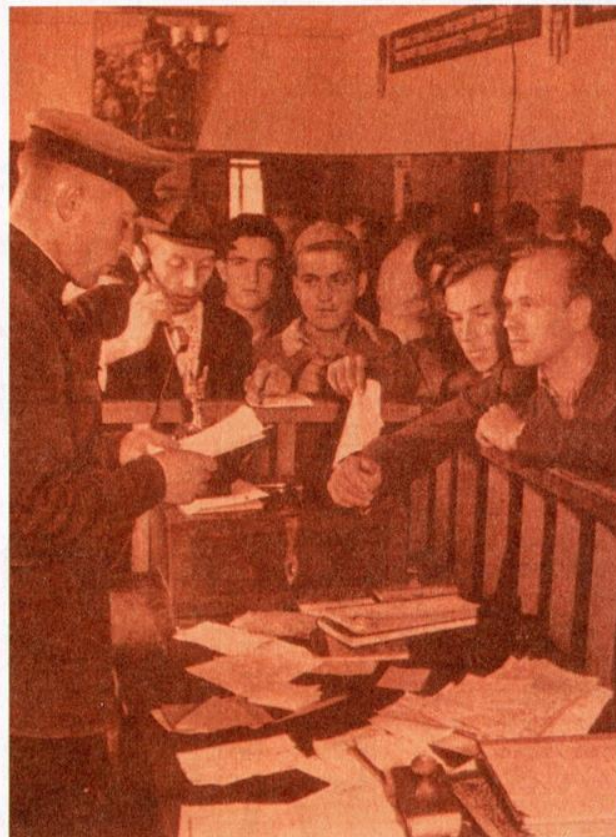
*Строже стал городской распорядок. Въезд в Москву воспрещен. Не разрешено фотографировать, вести кино съемки. Водителям запрещается подсаживать случайных, посторонних пассажиров в кабину или в кузов. Все зрелищные предприятия, пункты коммунального обслуживания, столовые закрываются в 22 часа 45 минут.*

*Даже в погожий день не увидешь на центральных улицах гуляющей публики, а прохожие стали молчаливее, идут влекомые тревогами и заботами. Одеты москвичи скромнее, чем в мирное время; многие в военной форме.*

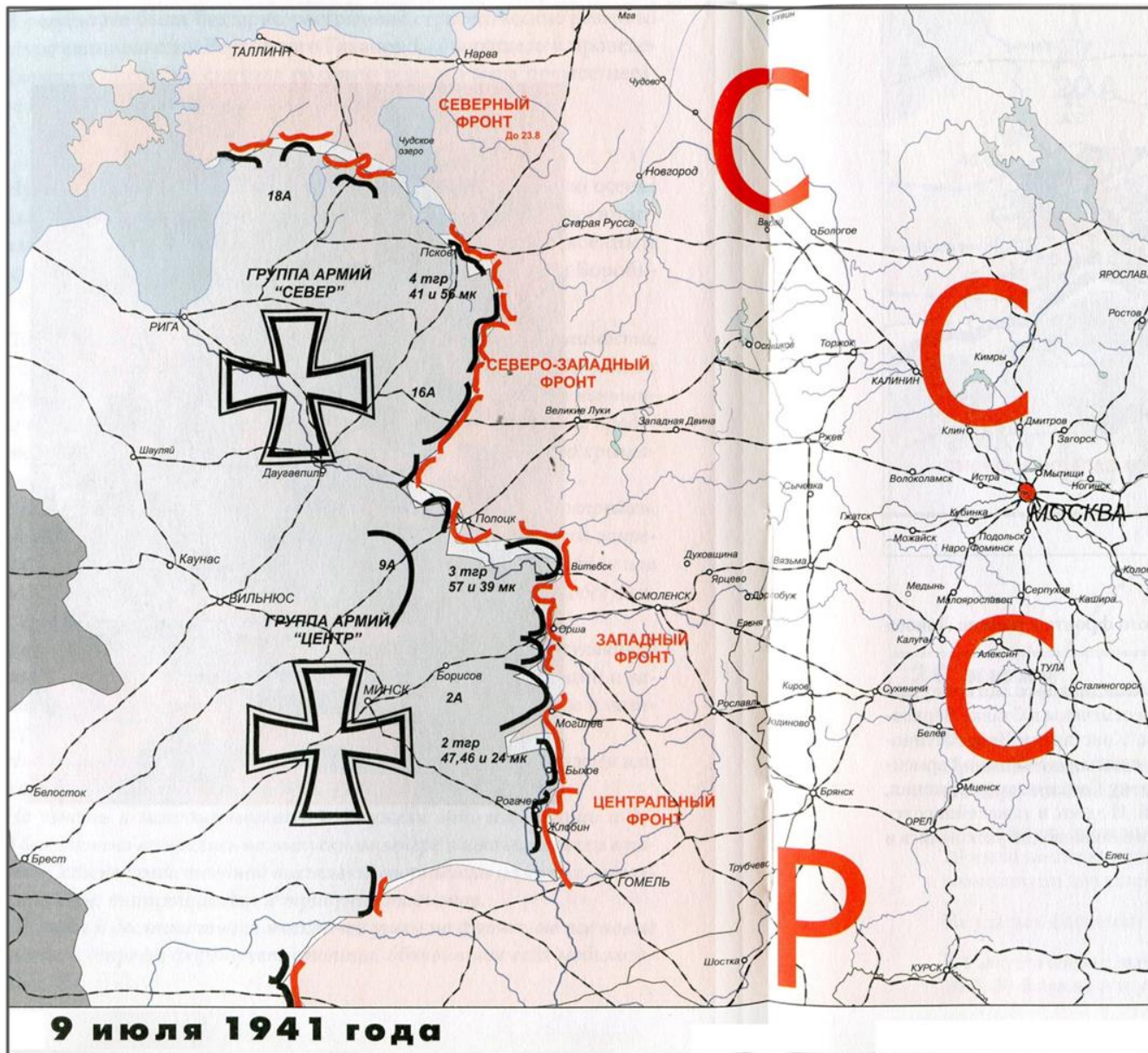
*Не слышно детских голосов, которые доносились с Никитского или Тверского бульваров: там стоят зенитки.*

*Не узнать и молодых москвичей. Неужели эти вот юноши и девушки беззаботно веселились на выпускном вечере в школе, шумели в павильонах Сельскохозяйственной выставки, озорничали на катке, заполняли кинозалы, танцплощадки и трибуны стадионов.*

*Десятки и десятки тысяч москвичей ушли на фронт, но все новые батальоны и отряды формирует столица, объявившая себя мобилизованной...*







Карта 4

Линия боевых действий на советско-германском фронте 9 июля 1941 года, в день, когда Московские дивизии народного ополчения, покидая столицу, уходили на фронт

В этот день передовые части танковых дивизий врага достигли естественного рубежа обороны по среднему течению реки Днепр. В осаду были заключены крупнейшие города на этом рубеже: Витебск, Орша, Могилев, Быхов, Рогачев, Жлобин.

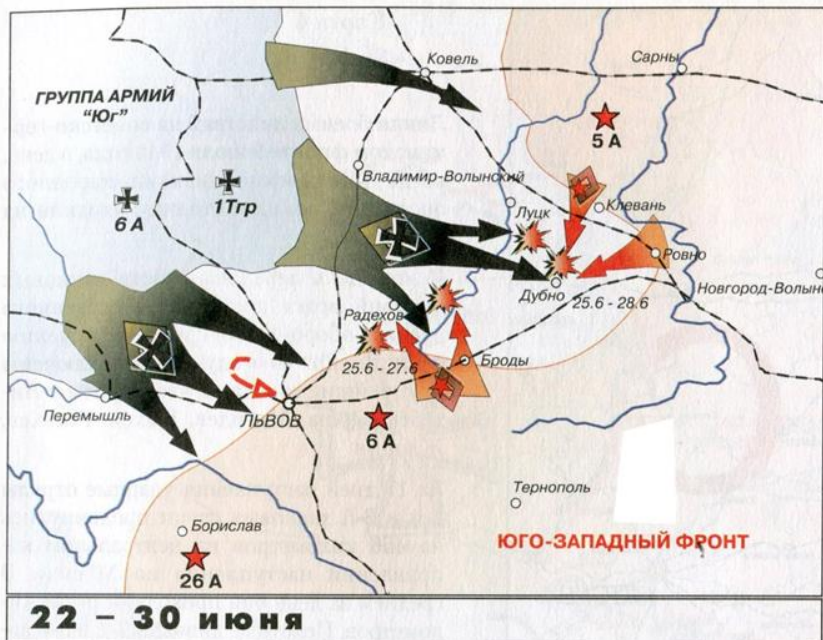
За 17 дней наступления ударные отряды 2-й и 3-й танковых групп продвинулись на 450 километров на центральном направлении наступления на Москву. В среднем за день они проходили по 26 километров. Пехотные дивизии 2-й и 9-й армий не успевали за своим авангардом.

9 июля явилось решающим днем для командующего 2-й танковой группой Гейнца Гудериана, когда ему удалось убедить руководство германских сухопутных войск в целесообразности немедленно форсировать Днепр и продолжить своими танковыми силами быстрое продвижение на Смоленск.

10 июля 24-й и 46-й танковые корпуса начали переправляться через Днепр.

10 июля считается началом Смоленского сражения.





## Карта 5

Оборонительные бои частей Юго-Западного фронта в районе Львова в июне 1941 года

Энергичные и результативные действия командира 9-го мехкорпуса в районе Луцк – Клевань – Дубно сразу были отмечены в Ставке Верховного Главнокомандования Красной Армии. Константин Константинович Рокоссовский был отозван в Москву и с наскоро собранной армейской группой отправлен в самую горячую зону Смоленского сражения, в район боевых действий 20-й и 16-й армий. И здесь, в тяжелейших условиях, талант и способности замечательного полководца раскрылись в полной мере, на счастье нашего Отечества.



## Карта 6

Противостояние советских и германских войск в городе Смоленске и его окрестностях 20 июля 1941 года

В Смоленск гитлеровцы ворвались 16 июля. Но только в ночь на 29 июля последние защитники города оставили его, исчерпав все свои возможности для сопротивления врагу.

Не удалась фашистам попытка окружить 16-ю и 20-ю армии.

К 1 августа кольцо окружения было прорвано совместными действиями 16-й, 20-й армий и группы войск генерала К. К. Рокоссовского.





Штаб формирования 17-й дивизии народного ополчения Москворецкого района располагался в институте Народного хозяйства имени Г. В. Плеханова



На фотографии запечатлен момент вручения боевого оружия ополченцам Москворецкого района. Происходило это недалеко от Москворецкого района Сосенки в июле 1941 г.

В ряды народного ополчения встал и стар, и млад, и рабочий, и учитель, и студент, и ученый